Я зову её Аленький. Она – моя крестница. Прошло ровно десять лет с того дня, как это существо с тёмными косами и бархатным карим взглядом, а тогда ещё безмятежный младенец в белой пелёнке, стало частью моей судьбы. Далеко не самой простой её частью.

За эти годы стремительно спился отец Алёнки, и жизнь семьи покатилась под откос. Мать, безвольная и словно бы повредившаяся в уме, безгласно терпела пьяные выходки супруга, который уже давно не работал. Паразитировал он с удовольствием, не испытывая ни малейших угрызений совести. Безобразные сцены-избиения, после которых мать ходила с синяками, неоднократно происходили на глазах у Алёнки. Он с кошачьей хитростью обнаруживал и расхищал их тайнички, куда мать и дочь прятали деньги, отложенные на самое необходимое, и, естественно, пропивал всё без остатка.

Иногда папа «шутил». Его тяжёлый, мрачный юмор пугал Аленького. Однажды он «в шутку» сказал ей: «Вот возьму и зарежу, и помрёшь молодой. Гы-ы». Но притом был твёрдо уверен, что любит свою дочь и желает ей добра.

Ужасающий многолетний беспорядок, грязные бутылки, пепел от окурков повсеместно, нищета без продыху – такова картина детства моего Аленького. Мне много раз приходилось избавлять её… от педикулёза. У родителей не было денег на специальный лечебный шампунь. Алёнка очень страдала – боялась, что в школе узнают, снова и снова заражалась от отца с матерью, отчаянно чесалась, находила по утрам у себя на подушке случайно раздавленных ночью насекомых. Это продолжалось несколько месяцев, почти год, пока мы с ней не вычитали в Интернете очень простой и действенный способ, которым в Америке лечат малолетних детей: горячий воздух фена. Это помогло всей их болящей семье. Педикулёз прекратился.

С того момента, как их семья погрузилась в нищету, я по мере сил старалась приодеть Аленького. Ношеные, но ещё вполне пригодные детские вещички находились у нас в избытке. Несколько раз удавалось найти необходимое по объявлениям совершенно бесплатно. В конце концов у меня сложилось впечатление, что в их квартире – самая настоящая «чёрная дыра», которая без остатка пожирает детские вещи. Сколько бы ни увозила Алёна одежды домой, в следующий свой приезд, в любое время года, кроме зимы, она появлялась в своём неизменном «костюме» – потрёпанные джинсы, грязная футболка, кроссовки на босу ногу. Обычный тинейджер с городской окраины. Ни дать ни взять. Убедить её надеть носки я так и не сумела…

Но она умница, мой Аленький. Она держится так, что посторонние редко замечают в этом ху-

дом темноглазом подростке что-то неблагополучное. Хотя одна особенность всё же выдаёт её. Алёнка боится за столом у чужих взять что-нибудь самостоятельно. Ей хочется ещё кусочек хлеба. Робко спрашивает: «Можно?» И на удивлённый взгляд хозяйки: «Спасибо большое». А теперь ей хочется конфетку: «Можно?» Ещё более удивлённый взгляд, и опять: «Спасибо большое». Когда это повторяется в десятый раз, хозяйка впадает в недоумение: «Всё, что на столе, для вас – для гостей, зачем же ты постоянно спрашиваешь?»

Всё же она по-своему любит их, своих непутёвых родителей. Однажды задумчиво сказала: «Сама не понимаю, почему меня от дыма всех сигарет тошнит, и только от папиных – нет». Видно, даже такая семья лучше, чем интернат…

Алёнка часто приезжает ко мне. Все её невзгоды так или иначе становятся мне известны. Горюшко моё! Помогаю как могу. В церковь с собой беру, в гости к хорошим знакомым и в поездки. Лишь бы к ней в сердце не прокралось одиночество, страшнее которого, мне кажется, нет ничего на свете…

* * *

Я уже давно обещала Алёнке катание на лошадях, и вот – свершилось. Мы на конезаводе. Ослепительно-яркий декабрьский день. Юные «амазонки» – ровесницы Аленького или чуть старше – увлечённо проводят экскурсию по конюшне, по-деловому рассказывают, что сами знают, о своих питомцах, а те в ответ покачивают мохнатыми мордами, одобрительно внюхиваются, всхрапывают, прядают ушами. Наверное, думают: это нас привели к ним на развлечение. Ах, какие ласковые у них имена: Зорька, Ивушка, Пряник. Но всех краше белая кобыла Звёздочка. Впрочем, не все лошади ведут себя дружелюбно. Вон тот арабский жеребец с такой злостью косит в нашу сторону выпуклым блестящим глазом, что становится не по себе. Вот-вот укусит. Вздорный забияка Сильвер. Хорошо, что он за решёткой.

Морозец. Резко пахнет соломой, конским потом, чем-то ещё. «Кататься будете?» – спрашивает нас одна из местных, веснушчатая девчонка с длинной белобрысой косой поверх зимней куртки. «Конечно». И для Аленького седлают красавицу Звёздочку. Моя девочка не без труда взбирается на высокую лошадиную спину. Наша белобрысая провожатая ведёт кобылу по кругу. Та спокойна. Видно, ей приятно размяться, понюхать влажный ветерок, пройтись по хрустящему снегу в компании других лошадей, несущих своих ездоков. Сколько грации в её плавном шаге. Алёнка весит немного, и Звёздочке легко. Она играючи везёт Алёнку, и та сидит в седле, словно впаянная. Почувствовала себя ловко, заразительно улыбается, покачиваясь на доброй лошадиной спине.

Наша «амазонка», видя, что кобыла ведёт себя смирно, срывается по какому-то неотложному делу, и теперь я вместо неё семеню рядом со Звёздочкой вдоль ограды, держа повод в руке. Круг, ещё круг, и ещё, и ещё… Лошадь не хочет остановиться, никак не реагирует на мои робкие тпру-у-у. Она идёт и идёт, как заведённая, – размеренным, спокойным шагом и, кажется, готова ходить так целую вечность. Мы с Аленьким начинаем нервничать.

Но вот появляется Главная «амазонка». Видно, что эта энергичная молодая женщина в зимнем спортивном костюме чувствует себя здесь полной хозяйкой. Она быстро и решительно останавливает Звёздочку. Можно облегчённо вздохнуть. Алёнка оказывается на свободе и на своих ногах.

Мы выходим за пределы ограды, и Главная предъявляет счёт: «С вас четыреста рублей». Я в недоумении. Я ошарашена: «Как четыреста? Почему??? Ведь перед экскурсией было объявлено, что сто!» – «Это в повозке. А для вас седлали отдельную лошадь. Это стоит четыреста».

Но где же об этом написано, что это столько стоит? Ни одной вывески. Ведь мы не знали… Лихорадочно прикидываю, хватит ли у меня денег.

«А что вы думали? Лошадей ведь надо кормить», – это опять Главная.

Я увлекаю её по дорожке на несколько шагов вперёд, подальше от Алёнки, чтоб та не слышала, и с надеждой прошу: «Ну пожалуйста… Сделайте скидку. У этой девочки родители-инвалиды» – «А у нас лошади голодные». Так, значит… Пихаю ей в руку сторублёвку, нервно разворачиваюсь, и мы с Аленьким размашисто удаляемся в сторону автобусной остановки.

Ой, как скверно… Не расплатились. Лошади голодные… Нет, не могу так! Надо вернуться. Внимательно пересчитываю наличность. Хватит – не хватит? Самое главное, оставить на обратный проезд… Аленький смущённо плетётся рядом. Вдруг тихонько: «Простите…» – «За что, Алёна?» – «Что я так долго каталась» – «Ну что ты…» Денег хватает.

Мы возвращаемся к Главной и протягиваем недоплаченное. Она говорит: «А с вас ещё только сотня. Я узнавала. Вы, оказывается, совсем немного катались». Вполне дружелюбно. Уф-ф-ф…

По дороге домой обе упорно молчим. В памяти ещё ярко всплывают добродушные лошадиные морды, несравненная красота их тел, бегущих по блистающему снегу. Но на душе попрежнему тяжело. Мне стыдно. Меня придавливает чувство вины: вот так вот, из-за трёхсот рублей раскрыла постороннему человеку Алёнкину тайну…

* * *

Собираю Аленького на исповедь и причастие. Обычно ставлю на стол икону, кладу рядом чистый листок бумаги и удобную ручку и выхожу из комнаты, заперев за собой дверь. Так у нас повелось с самой первой Алёнкиной исповеди. Не вмешиваюсь. Пусть сама пишет письмо Богу. Может быть, с ошибками или не всё понимая. Но обязательно сама.

А однажды случилось так. «Держать зло на человека – это грех?» – вдруг спрашивает. «Ну, конечно…» И тут выясняется, что мой Аленький разругалась с единственной подругой, что называется, в пух и прах. Эта Ксюша часто скрашивала жизнь моей Алёне. Они много времени проводили вместе. Я в тупике. «Э-э-э… ну, позвони, – говорю, – помирись». Сама думаю: «Легко сказать… Мы, взрослые, часто ли имеем решимость помириться, охотно ли просим друг у друга прощения?»

Алёнкино лицо покрывается красными пятнами. В глазах угадывается недетская злость. В её душе происходит жестокая борьба, и я эту борьбу явственно и с некоторой растерянностью наблюдаю. Она ведь знает, что подходить к причастию с обидой на сердце – нехорошо. Да нет, категорически нельзя!

Что бы придумать? Я не могу заставить её позвонить. Вижу: это свыше её душевных сил. Но и позволить пойти на причастие в таком состоянии не могу. Вдруг меня осеняет: «А ты напиши на чистом листике: «Прости меня, Ксюша!» и сожги этот листик. О нём никто не узнает, но тебе станет легче. Пусть хотя бы вот так, тайно, но ты попросишь прощения. А там, смотришь, и помиритесь» – «Нетушки, не-е-ет!» Машет руками, на глазах выступили слёзы, сейчас расплачется: «Даже так не могу». Но потихоньку уговорила. Она закрылась в комнате. Напряжённое пятиминутное молчание. Выходит: «Всё! Написала».

Прошёл год. Подружки помирились и снова не разлей вода. «Алёна, а ты помнишь, как на Ксюшу обижалась, как не хотела даже тайно попросить у неё прощения?» – «Помню!»

А взгляд блестящий и радостный.

* * *

Мы с Аленьким в провинциальном краеведческом музее. Экскурсовод замученно-заученно рассказывает, что «на территории нашего края много миллионов лет назад было огромное море». Многочисленные древние окаменелости, найденные в окрестностях города, подтверждают это. А вот останки шерстистого носорога. А вот зубы мамонта. Обратите внимание, какие они внушительные. А вот…

Переходим от одной экспозиции к другой. Аленький послушно идёт со мной рядом и с любопытством рассматривает всё вокруг. Теперь перед нашими глазами предметы немудрёного телеутского быта. Всё просто, но красиво в своей простоте.

А вот вещи русской купеческой семьи Емельяновых начала двадцатого века. Огромный стол, накрытый роскошной кружевной скатертью, начищенный до блеска пузатый самовар. Экскурсовод неожиданно, с некоторой хитринкой в голосе, предлагает: «Присядьте-ка за этот стол. Присядьте-присядьте», – и будто мелкий чёртик на секунду проскакивает в её взгляде. Садимся на старинные стулья с изогнутыми спинками. Музейная тётенька продолжает интриговать: «Семья Емельяновых была очень богата. Стол обладает особой энергетикой, накопленной за многие десятилетия». «Ну, – думаю, – понеслась экстрасенсорная дребедень». «Положите руки ладонями вниз». Наши экскурсионные попутчики послушно кладут руки на стол ладонями вниз. Мои руки на столе, но зажаты в кулаки. Аленький демонстративно прячет руки под стол. «Загадайте желание и ждите, когда начнёт покалывать пальцы. Ваше желание обязательно сбудется». Музейщица вопросительно смотрит на нас с Аленьким. Дескать, ну что же вы? Мы дружно мотаем головами: «Не-е-а!», решительно встаём с изогнутых старинных стульев и уходим. Мы верим во Христа Воскресшего, а не в энергетику купеческих столов.

* * *

Приехали на святой источник. Сколько машин на стоянке! Желающих окунуться – хоть отбавляй. Надпись: «Женщинам купаться только в рубашке». Да знаем, знаем! У меня есть – специальная, с любовью и старанием сшила. Но тут оказывается, что у Аленького – только короткая поношенная маечка и линялые трусики. Мой недосмотр… Отмечаю это и мысленно ругаю себя: «Двоечница». Но, кажется, отсутствие рубашки её не смущает. «Будешь купаться?» – «Буду!»

Скоро моя очередь. Собираю волю в кулак. Читаю молитву, медленно и осторожно вхожу в ледяную воду. «Во имя Отца». Окунаюсь с головой. Будто стальным обручем перехватывает грудь. Дышать невозможно! Как рыба ловлю воздух ртом. Заставляю себя ещё раз окунуться. «И Сына». Задыхаюсь, но что есть силы погружаюсь с головой снова. «И Святаго Духа. Аминь!» Вот теперь всё. Взлетаю по скользким ступенькам колодца наверх. Мокрая ситцевая рубашка словно берёт меня в плен, не даёт двигаться, навязчиво липнет к телу. С волос стекают обильные струи воды. Но мне уже не холодно. Мне – замечательно, головокружительно!

Теперь Аленький. «Ну как, ты справишься?» Входит в воду. Мне со спины видно, как просвечивают под маечкой острые лопатки. Неловко и торопливо куряется лицом. Вода едва успевает сомкнуться над её головой, над хвостиком тёмных волос, перетянутых резиночкой. Выныривает. Глаза чёрные, огромные, испуганные. Ещё раз. Ещё!

Молодец, Аленький! «Тебе не холодно?» – «Нет!»

* * *

Мы в старинном кузбасском городке – на утренней службе в храме. Дорогой моему сердцу дядя Саша, у которого мы гостим, каким-то чудом договорился, и нам с Алёнкой разрешили подняться на колокольню!

Впереди нас по крутой деревянной лестнице поднимается наверх звонарь. Это пожилой крупный мужчина. У него густая борода с проседью и светлые проницательные глаза. Он сосредоточенным шёпотом читает какую-то молитву и, кажется, не обращает на нас никакого внимания.

Здесь нужно осторожно ставить ногу. Ступеньки незнакомые, разной крутизны и величины. Через окошки сбоку видно, как высоко мы уже поднялись. Последний пролёт наверх. И вдруг… Мы оказываемся на круглой площадке с огромным чугунным колоколом посредине. Он внушает мне уважение, и я, чтобы засвидетельствовать ему особое почтение, слегка притрагиваюсь к старому канату, вертикально свисающему с колокольного языка. На боковой стене – ещё колокола, но меньшего размера. А вокруг, за пределами стен, – всё как на ладони: и старинный городок, и протяжная горная гряда, окутанная прозрачной синеватой дымкой. Далеко-о-о-о видать! И какие над нами облака! Огромные, свободные, плавно текущие по счастливому июльскому небу. Непередаваемо красиво! «Как тебе, нравится здесь, Аленький?»

Звонарь берёт в руки канаты от всех колоколов сразу. «БОМ-М-М! – БОМ-М-М!» Это энергично и приветливо громыхнул главный. И началось! «БОМ-М-М! – би-м-м! – бим-бим! – бам-бам! – БОМ-М-М!» Дружная, оглушительная, мелодичная перекличка. Мы с Аленьким поспешно прикрываем ладонями уши. Люди, стоящие там, внизу, сейчас кажутся игрушечными тёмными фигурками. Они враз поднимают головы, вслушиваются, крестятся. Я уверена, что они не видят нас с Аленьким. Мы их видим в незарешёченное окно, а они нас – нет.

И под этот величественный, пронизывающий, невыносимо громкий здесь, на верхней площадке, колокольный звон, глядя на вдохновенно выполняющего свою работу могучего звонаря, на Алёнку, весело зажимающую ладошками уши, я с восхищением думаю: «Дивны дела Твоя, Господи! Слава Тебе!»

* * *

Приветливый летний день. Сквозь листву древних карагачей, растущих возле моего дома, снопами пробиваются свежие солнечные лучи. Мы с удовольствием гуляем вдоль сухой асфальтовой дорожки. Беседуем обо всём подряд. Вдруг робко тянет меня за рукав. Догадываюсь: хочет спросить что-то важное. «Что, Аленький?» Она медлит, не решается, отводит глаза. Вижу, как в её золотистых зрачках отражается напряжённая работа мысли. Наконец, набравшись смелости, немного низко и хрипло произносит: «А… почему крёстную нельзя звать мамой?» Вопрос…

Надо признаться, уже несколько бессонниц подряд я размышляла над этим. Но она всё равно застала меня врасплох. Что я скажу ей? Что я реально могу ей ответить? Что у меня семья, и

тесная квартира, и маленькая зарплата? Но ведь живёт же она у нас, и подолгу, и вроде бы никому не мешает. Всё не то…

(Мы в ответе за тех, кого приручили).

Как объяснить ей ту истину, что я могу стать её мамой, если только родные мать и отец перестанут быть её родителями… Чужая жизнь, беспощадно вывернутая наизнанку?.. Суд?.. Слёзы?..

(Мы в ответе за тех, кого приручили).

«Понимаешь, Аленький… У человека только одна мама. И её нельзя предать. А крёстных в народе зовут лёлями».

Она делает вид, что понимает. Кивает головой, но видно, как потускнел её бархатный карий взгляд.

«Понимаешь, Аленький… Я всегда с тобой. Я очень люблю тебя. Но…»

Обречённо дрогнули уголки губ.

«Но твоя мама… она ведь тоже тебя любит».

Неожиданно соглашается, пнув ободранной кроссовкой подвернувшийся под ногу лист лопуха: «И даже папа…»

Или только делает вид, что соглашается…

Я обнимаю её, крепко прижимаю к себе это худенькое родное существо и чувствую, как горько и неостановимо рвётся моё сердце.

«Понимаешь, Аленький… Даже если мы совсем одиноки… Даже если нам кажется, что рядом нет никого, кто бы любил нас…»

С каким трудом подбираются слова… Как медленно… Но мне хочется вложить в них сейчас всю силу убеждения, на какую только способна.

«…на нас всегда смотрит Тот… Кто сотворил нашу душу и тело… Кто любит нас больше, чем мы себя любим».

Слушает. Замерла на мгновенье. Кажется даже, перестала дышать.

«…Любит беспредельно… Страдает вместе с нами, когда нам плохо, и готов откликнуться на первый наш зов…»

Голос не слушается. Но я продолжаю: «Надо только не огорчить Эту Любовь. И она всегда будет с тобой. Каждое мгновенье твоей жизни. Понимаешь?»